

русский

пионер

Революция

№8(77) ноябрь 2017

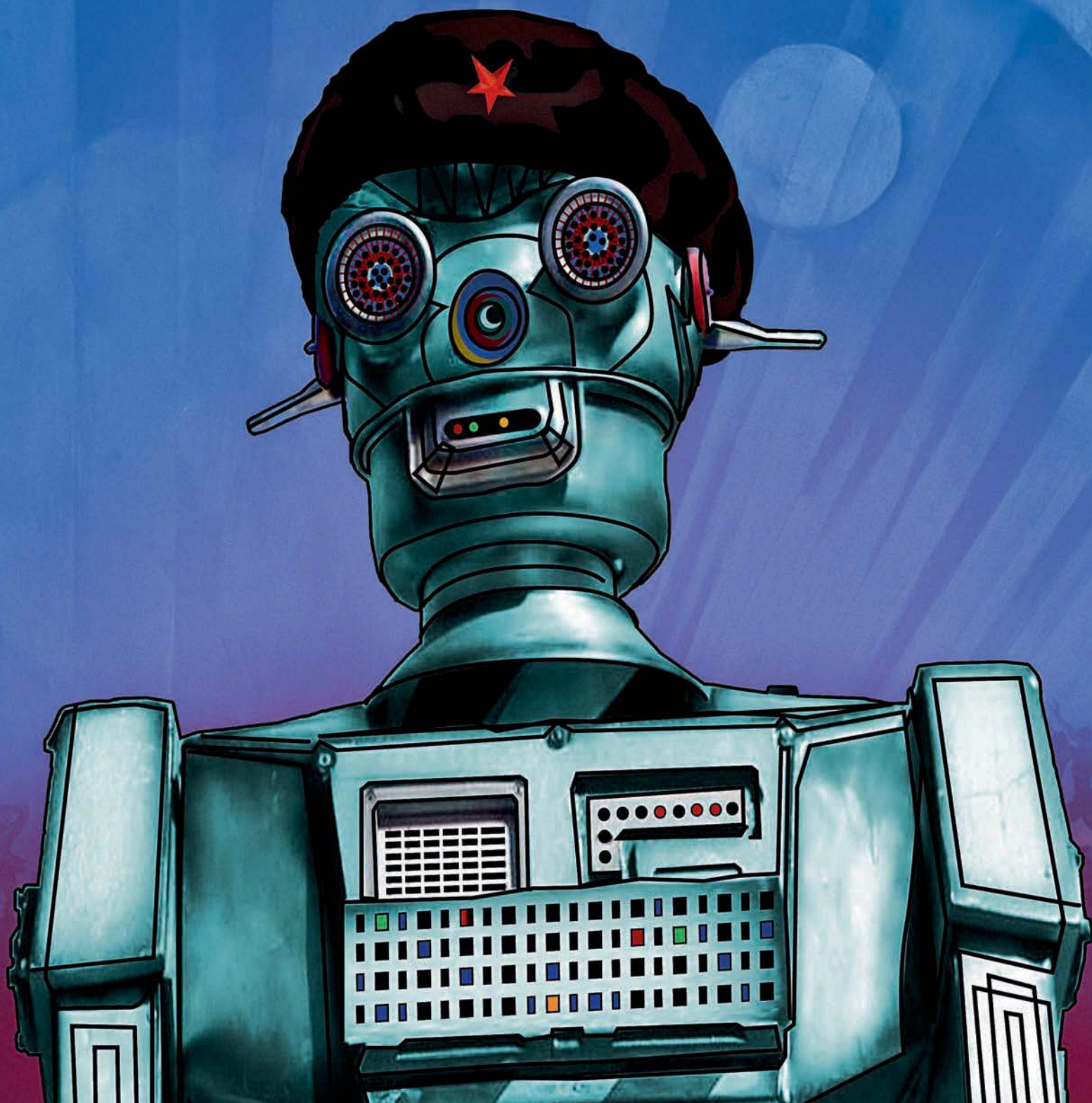
18+

ISSN 2071-3037

9 772071 303007

литературный иллюстрированный журнал

Клятва главного редактора стр. 6

первая четверть

*Урок правды. Красный день календаря. **Марлен Хуциев***

о трудностях съемок революции стр. 18

*Урок уроков. Моя революция. **Андрей Макаревич** про то, что он не хотел переделывать мир стр. 24*

*Урок информатики. Кружок заговорщиков. **Александр Туркот** про цифровую революцию стр. 28*

*Урок этики. Зарисовки из жизни одного адвоката. **Павел Астахов** про разницу в сто лет стр. 32*

*Урок поэзии. «Я не могу писать стихи в Москве». Поэзия **Дмитрия Солопова** стр. 38*

*Урок литературы. Свежий воздух. **Дмитрий Быков** о том, что мы разучились называть вещи своими именами стр. 40*

*Урок истории. Мы наш, мы Божий мир построим. **Андрей Десницкий** про самую первую революцию стр. 46*

вторая четверть

Пионер-герой. Признак революции. Обозреватель «РП» про авто того, кто был «живее всех живых» стр. 50

Следопыт. Медный всадник апокалипсиса. Обозреватель «РП» исправляет историю стр. 60

третья четверть

Диктант. И Т.Д. В тему номера стр. 70

Дневник наблюдений. Барна в октябре. Шеф-редактор «РП» обозревает смятенную Барселону стр. 72

Урок ботаники. Ягода милосердия. Обозреватель «РП» в клюкве стр. 82

*Сочинение. СВИНОВОДЫ. Рассказ **Майка Гелприна** стр. 90*

*Комикс **Андрея Бильжо** стр. 101*

четвертая четверть

Урок мужества. Фьючерсное домогательство.

Обозреватель «РП» учит, как не быть застигнутым врасплох *стр. 108*

Фотоувеличитель. Про это *стр. 114*

Часовой механизм

Урок музыки. Механическое сердце. **Андрей Макаревич**

о музыке часов *стр. 134*

Урок рисования. Три истории про часы. **Андрей Бильжо**

о разном времени *стр. 138*

Урок поэзии. Timespotting (наблюдения за часами и временем). Поэма **Андрея Орлова (Орлуши)** *стр. 142*

Урок физкультуры. Безвременное. **Ирина Роднина** про свои часы *стр. 148*

Урок пения. Тсы. **Алена Свиридова** про детское время *стр. 154*

группа продленного дня

Правофланговый. Запах самшита. **Виктор Ерофеев** о том, что кому-то революция, а кому-то — переворот *стр. 158*

Центровой. Джаз не умирает. **Игорь Бутман** о живой музыке *стр. 160*

Знаменосец. Стяжи дух мирен. **Владимир Легойда** о книгах, в которых он проживал революцию *стр. 162*

Завуч. Моя Лениниана. **Андрей Бильжо** про чугунного Ильича *стр. 164*

Правофланговая. Я ее ненавижу. **Алена Свиридова** о том, что накопело *стр. 168*

Чтец. Серп и молот и звезда. **Алексей Цветков** про Р *стр. 170*

Пионервожатая. Стоп-кран. **Дарья Белоусова** о революционной стихии и стихах *стр. 174*

Запевала. В августе 91-го. **Андрей Крайний** про три дня, которые потрясли мир *стр. 176*

*Пионервожатый. Счастье на штыках. **Кирсан Илюмжинов***

о том, почему он пропагандирует шахматы *стр. 180*

*Звеньевая. Фрак-манифест. **Екатерина Истомина*** об одном

нестандартном интервью *стр. 184*

*Звеньевая. Страшная история. **Юлия Петрова*** про изменчивость революции *стр. 186*

*Пионервожатая. Мой фильм о предательстве. **Майя***

Тавхелидзе про свое будущее кино *стр. 188*

*Отличник. Как я был трибуном. **Леонид Ганкин*** о том, как он стал агитатором, горланом, главарем *стр. 190*

*Отличница. Сыграть хотела бы Каплан. **Ольга Аничкова***

про малоизвестную актрису *стр. 192*

*Барабаничик. Много красного. **Сергей Петров*** про то, что милиция с народом *стр. 196*

*Подшефные. На тему многоженства. **Волга и Катя Король*** задают вопросы *стр. 198*

*Горнист/Энотека. Организм и его реакции. **Вита Буйвид*** с научным докладом *стр. 200*

*Внеклассное чтение. Отрывок из книги **Петра Авена** «Время Березовского» *стр. 204**

*Шахматный кружок. Ведет **Кирсан Илюмжинов** *стр. 214**

*Всегда готово. Яблочный переворот. **Николай Фохт*** о секретах революционного блюда *стр. 216*

*Урок правды шеф-редактора. Подведение итогов *стр. 223**

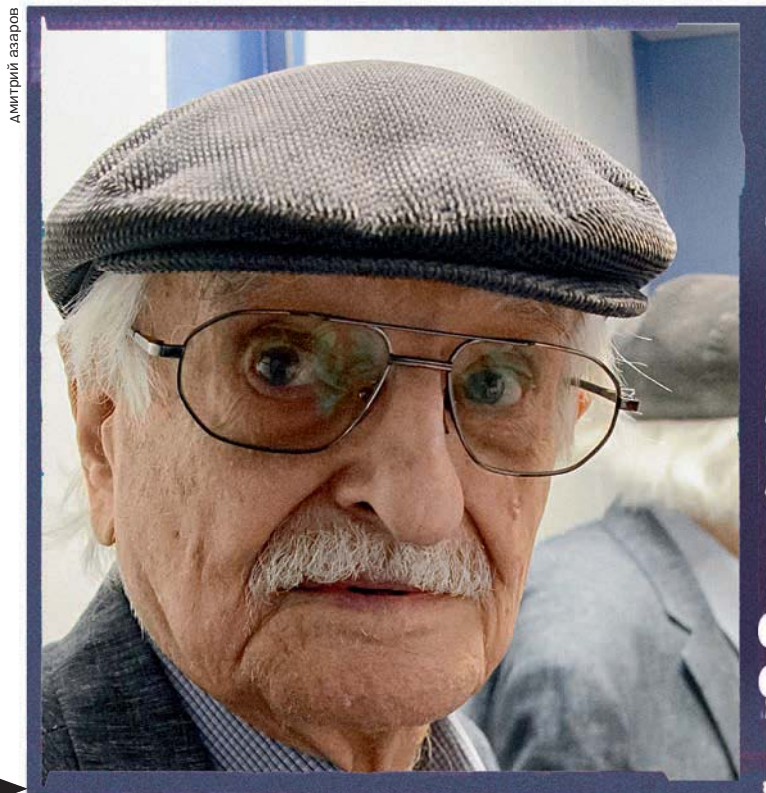

Всегда готов!

Первая четверть.

Урок правды. Красный день календаря. **Марлен Хуциев** о трудностях съемок революции. *Урок уроков.* Моя революция. **Андрей Макаревич** про то, что он не хотел переделывать мир. *Урок информатики.* Кружок заговорщиков. **Александр Туркот** про цифровую революцию. *Урок этики.* Зарисовки из жизни одного адвоката. **Павел Астахов** про разницу в сто лет. *Урок поэзии.* «Я не могу писать стихи в Москве». Поэзия **Дмитрия Солопова**. *Урок литературы.* Свежий воздух. **Дмитрий Быков** о том, что мы разучились называть вещи своими именами. *Урок истории.* Мы наш, мы Божий мир построим. **Андрей Десницкий** про самую первую революцию.

Андрей азаров

Красный день календаря

текст: марлен хуциев рисунки: аксеновы

Как снять революцию? Никак.
А Ленина? Тоже никак,
не положено. А запечатлеть
юбилейную демонстрацию
на Красной площади? Можно
попробовать. Только все равно
окажется, что нельзя.
Нет разрешения, милиция
не велит. В очередной
киноколонке режиссер **Марлен**
Хуциев как фотокарточки
печатает сцены, крупные
планы, диалоги.

ШЕЛ дождь во сне.

И наяву шел дождь.

Была простудная осень.

Тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года. Юбилейного. Шутка ли — пятьдесят лет Октябрьской революции! Чего-то ждали, бродили слухи, что зарплату в октябре выплатят «березовыми рублями» (чеки Внешпосылторга). В школах проводились осторожные беседы, что праздник, ребята, конечно, великий, но на демонстрацию ходить не надо.

Не надо.

А на вопрос «почему?» ответ давался уклончивый: холодно будет, простудитесь, ну зачем? Все по телевизору посмотрите...

Формировались праздничные заказы. Была усилена милиция, но аккуратно, чтоб не очень бросалось в глаза...

Тугрик рассказывал, что всех дворников собрал участковый и призвал к бдительности, а управдом велел срочно покрасить серебрянкой водосточные трубы, сам — лично! — проверял чердаки, проходные дворы и подвалы. Тугрик облазил все подвалы в районе и начал писать приключенческий роман «Москва подземная». Так, для себя. Но главное было вот что: студия никак не реагировала на историческую дату. Не ходил по коридорам Ленин быстрой походкой (конечно, народный артист). Не шел навстречу ему Дзержинский (тоже народный артист). Не толпились у павильонов революционные матросы, не раздавали пиротехники винтовки с рассверленными стволами. Ни одного человека в кожаной куртке с маузером на боку!

— Не понимаю! — говорил Леопольд Мильчевский. — Не понимаю! Но — имеем шанс!

Сам-то он давно готовился. Начал читать ленинские работы и увлекся! Ни о чем другом не мог говорить:

— Где я был раньше?! Гениально! Великий человек! А ведь никто, никто его не читал!

Сам он прочел полное собрание сочинений и стал разговаривать цитатами...

— Есть потрясающий замысел! — но не говорил какой.

— Мы живем и нелюбопытны, — печально говорил тихий человек Глинкин. Увы! Сам-то он, никому не говоря, предложил 2-му объединению тему «Ленин и дети» и ждал ответа.

Ломов плавал во льдах, прислал телеграмму: «К/сценарий “Крейсер Аврора” (“Матросы Октября”) закончен. Последние поправки. С рев. приветом».

Тугрик написал заявку «“Ленин и печник”. Ленин в народном творчестве (в фольклоре). Поэтическая феерия».

Тут результат был неожиданный. Редактор долго молчал (это был тот самый «умный мужик»).

— Интересно, — сказал редактор. — Нет, серьезно, мне нравится... Смело... броско, и юмор, и стиль... выдержан... Лубок. Про вождя мировой революции — лубок. Вы сами-то понимаете? Вы способный

человек... Зачем же спекулировать на теме? Стыдно. Но это мое мнение, так сказать, личное. Не верю я в вашу искренность, вот ведь штука! Может, другие поверят?

— Не нужно, — сказал Тугрик, — отдайте заявку.

— Ну зачем? Это талантливо. Такая замечательная хохлома... Повеселите публику... тоже неплохо...

Заявку Тугрик забрал.

Узнав об этом, Леопольд загрустил, а это было ему не свойственно.

— Нику ничего не нужно! Да я и соваться не буду... А какой замысел! — И стал рассказывать:

— Ленин — один. Больше никого. Слушает музыку, ходит по лесу с ружьем, в библиотеке, в Лондоне — ну тут, конечно, зал...

Крупный план. Лицо.

Приходит в себя после покушения...

Белая палата, солнечный зайчик на стене... А за кадром — его голос, его мысли! Ведь никто же не знает, никто не читал! Постоянное напряжение мысли! Что? Неинтересно? Не нужен такой Ленин?! Не нужен новаторский подход, не нужны новые формы? Ну, как угодно... Вот Годар бы снял... Ладно, проехали...

Он ехал на студию.

Нужно сказать, что дорога от Киевского вокзала до «Мосфильма» необыкновенно мрачна, особенно осенью. Слева — набережная, серая безрадостная река, справа — дома, тоже невеселые, что-то дымит, трубы, трубы, провода... Голые сучья... Холодно, безрадостно.

— Что, Витя, прихватили? — это был дядя Сеня, или Сенечка, или Сэмэн, или Сэм, — так его звали на студии. Второй оператор. Он всех знал, и его все знали и любили. Это был крупный усатый дядя, лысый и добродушный, похожий на моржа, выброшенного на сушу и прижившегося. Его и звали Морж, на студии любят давать прозвища. Ему нравилось — Морж. Он не говорил: «Дай пять! Держи петушка», — он говорил: «Прими ласту!» Или: «Держи плавник!» И всегда был в отличном настроении.

— Я тебе меду дам, мне привезли из Ужгорода. Карпатский мед — сила! Чего невеселый? Праздники, чудак! И погода вполне революционная!

Он не ответил. Вернее, ответил что-то незначительное.

Тут — стоп! Я отпускаю персонажа. Пусть живет и действует как хочет, у меня свои дела, у него свои.

Вот он стоит в нерешительности... Что-то произошло? Что? Он пока не понял. Но это скоро пройдет. Действительность обтекает его, он должен думать, действовать, говорить. Но — сам. Хочет — от первого лица. Своего. А я буду наблюдать за ним время от времени...

Вот он вынул общую тетрадку, что-то записал... Может быть, он ведет дневник? Я не знаю. Но — возможно. Может быть, не сейчас, позже, значительно позже он издаст «Дневник неудачника» — потрясающую, ни на что не похожую книгу, в которой будет... я не знаю, что будет...

«Стая» сидела на своем обычном месте, за круглым столом у лестницы, под плакатом «Место для курения».

— Сидим, молодые люди? — крикнул дядя Сеня, пробегая мимо с коробками пленки (он всегда бегал). — А у меня к вам дело! Давайте снимем кино! Я в лабораторию, вернусь — все объясню. Дождитесь!

— Давно хочу снять демонстрацию. Пробовал — не то! Не выходит. Нужен взгляд со стороны, свежий. А мой угол зрения... какой-то замусоленный... А тут — дата! Интересно будет! Людей хочу поснимать... Так сказать, демонстрация с черного хода...

— А зачем? — спросил Глинкин.

— Как? Интересно же! И для себя. Удовольствие получить! Все же режиссеры! Вы снимать должны, снимать, снимать! При каждом удобном случае! Вот он — случай! Камера есть, пленка есть! Надумаете — прошу! Седьмого в семь ноль-ноль! Адрес он знает, — кивнул в сторону Тугрика и убежал куда-то по своим операторским делам.

— Он на моем участке живет, — сказал Тугрик, — на Яузском, окна на бульвар выходят... Дом так себе... а место выразительное, в смысле фотогеничности.

6/XI-67 г. Вечер. Почти ночь. Что я о нем знаю? Какой-то второй оператор! Но в одном он прав — нужно снимать, снимать и снимать! 37,2° — почти не знобит. Карпатский мед — действительно хоро-

ший. Снимать, снимать и снимать! Ветер крутит листья по мостовой — справа налево. Запомнить! Он зовет меня Витольд. Говорит, это имя — как готический собор, из него торчат шпили, в нем горят витражи... Шутник. Ладно.

(А ведь я не ошибся. Вот он, дневник! — М.Х.)

Ночью шел дождь. А под утро выпал снег. Флаги сначала намокли, а потом промерзли до состояния фанеры. Шелестят на ветру. Жестяной, шершавый звук.

Праздник — дело заводное. Собрались русские люди, — а тут на лотках бутерброды с красной икрой, красное шампанское в разлив, в картонных стаканчиках, а тут гармошка, а тут оркестр! Красные флаги, красная икра — здорово!

— Белая армия — Черный барон!.. Пошла колонна!

...Кто под красным знаменем раненый идет?

Ах, как рванули оркестры!

...Вы жертвою пали... — это из переулка надвигается.

...Нам нет преград... — это где-то сзади...

Песни из репродукторов. Репродукторы — серебряные, как водосточные трубы.

Народ подпевает.

...Так пусть же красная сжимает властью...

— Мужичка с баяном ко мне разверни! — кричит дядя Сеня. — Еще, еще!

Бежит Леопольд Мильчевский.

— Вон парень с плакатом, вон, вон — «Ты записался», — пусть подойдет поближе, и тетка с гитарой пусть подойдет!

Бежит Тугрик!

— Витольд, взбодри оркестр! Трубоча хорош — задержи трубача,

Витольд! — Дядя Сеня перезаряжает камеру. — Давай!

— А если с крыши? — кричит Тугрик.

— Хорошо — с крыши!

Но тут — милиционер и двое в серых плащиках.

— Можно вас?..

— А в чем дело?

И уже в отделении.

— Так кто же вам разрешил снимать?

Тут разговор пошел самый бестолковый.

— А что, нельзя? А почему нельзя?

— Где это написано, что нельзя?

— Мы в своей стране... мы граждане своей страны.

— Никто не спорит. Документы приготовьте!

— Я давно за ними наблюдаю, — негромко говорит белобрысый сержант. — Что-то они же то снимают... съемщики эти...

— В каком смысле? — тоже негромко дежурный белобрысому.

— Не могу выразить...

— Вот что, товарищи, для чего же вы все-таки осуществляли акт художественной киноъемки?

— Для истории! — с достоинством сказал дядя Сеня.

— Это хорошо — для истории... Плохо, что разрешения никакого нет...

— Да я сколько раз... и никто ничего. Я каждый год.

— А у нас что, каждый год юбилейный? — прищурился дежурный. — Обстановка изменилась. И это нужно понимать. Аппарат мы у вас забираем, и что вы там нафотографировали... посмотрим, если все нормально — вернем.

— Пленку же проявлять нужно.

— Проявим. И не нужно спорить. Нужно подписать протокол. И идти домой. С вами свяжутся... Все.

— Я буду жаловаться.

— Ну, это уж совсем ни к чему. Вот посмотрите: человек, иностранец, между прочим... Тоже фотографировал... Спокойно сидит, ждет представителей Интуриста, мы ему объяснили — он все понял, и никаких претензий...

— Так это есть, — сказал вдруг по-русски иностранец. — Я есть не умею... — он замаялся, — не имею! — поправился иностранец. И улыбнулся.

7/XI. Вечер. Температура 39,2°. Голова болит. Но это не важно. Важно подробно записать весь сегодняшний день. Это важно.

Кажется, только сегодня понял, что такое настоящая съемка. После — попали в отделение милиции. Власти (дежурный) вели себя вежливо, но камеру отобрали. Там, в отделении, был еще иностранец, немец. У него тоже отобрали камеру.

Когда вышли, немец спросил у д. Сени:

— Вы оператор?

— Да. Дядя Сеня — как Буденный — Семен Михалыч.

— Я тоже оператор.

— Очень приятно, — сказал д. Сеня.

Тут подъехала машина, выскочил представитель Интуриста и побежал в отделение.

Но камеру немца ему не отдали. Извинялись...

Выяснилось, что д. Сеня был военным оператором. И немец тоже был военным оператором.

Кстати, Леопольд хорошо знает немецкий язык, неожиданность. Лео-

польд переводил, хотя немец, его фамилия Маус, по-русски говорил вполне прилично.

— Господа, — сказал Маус, — сегодня у вас большой праздник! Я хотел бы в честь вашего праздника поднять свой бокал. Я хотел бы видеть вас своими гостями!

Представителю (Интуриста) это не понравилось. Он пробовал возражать. Но Маус быстро поставил его на место. Смирился представитель...

Сели и поехали.

Маус живет в «Национале».

Сначала нас не хотели пускать, но представитель сбегал и договорился. Он, представитель, парень неплохой, но работа у него — не позавидуешь...

Номер — огромный! Балкон. Вид с балкона (это я потом все подробно напишу).

Маус сказал представителю:

— Мне нужен русский стол: черный хлеб, селедка, водка, картошка, ну и что еще положено. Мы будем отмечать праздник Русской революции.

Представитель пошел организовывать и, надо сказать, организовал отлично!

Маус достал большую бутылку:

Праздник — дело заводное. Собрались русские люди, — а тут на лотках бутерброды с красной икрой, красное шампанское в разлив, в картонных стаканчиках, а тут гармошка, а тут оркестр! Красные флаги, красная икра — здорово!

— Это Егерская водка, очень крепкая. Мне приятно выпить ее с вами в этот день!

И еще он сказал:

— Есть вещи, к которым нужно относиться серьезно. Не все так думают, но их мнение меня не интересует. Я серьезно отношусь к вашей революции, к песне «Интернационал» и вообще к русским песням, к великой войне!

Мы выпили. Я, как простуженный, пил Егерскую с перцем (рецепт д. Сени).

Кажется, Бунин сказал (не уверен): «Бойтесь пьяного немца». Ну, не знаю. Нормально выпивает, и вообще дядька славный.

Тугрик (его вообще-то зовут Серегой) сильно стесняется. Он сильно удивил работников «Националя» своей телогрейкой и сапогами... Но он же не знал, что попадет в «Националь». Одежда для работы. Под телогрейкой у него оказалась гимнастерка, старая, без погон... Он очень стесняется и говорит, что она теплая. А д. Сене — нравится, Маусу тоже. Д. Сеня хлопнул по плечу:

— Выпьем, ребята, за солдатскую гимнастерку! Стоя!

Все встали и выпили.

...— Холодно было... Мы опоздали, все уже началось давно... Ополчение идет, оркестр играет, Буденный на коне, Сталин на Мавзолее...

— Ты снимал парад в 41-м году?

— Нет, Вия (Мауса зовут Вильгельм), снимали другие... Я кассеты заряжал...

— И Сталина видел?

— Ну да, видел, в ушанке...

— Я должен был снимать этот парад!

Немец волновался, комкал салфетку.

— Не понял. — Д. Сеня пристально посмотрел на немца.

— Я должен был снимать наш парад!

— А... вот как... Извини, не вышло.

— У меня сохранился пригласительный билет на банкет в честь нашей победы! На аукционе за него сейчас дают хорошие деньги. Но я не продам!..

— Это понятно...

Температура 39,7°. Маус дал мне немецкого аспирина, выпью две таблетки.

...— Там мост был, мы въехали на этот мост... Я с мотопехотой въехал... Это место называется Химки... Я все снимал... Я был там позавчера...

— Давай, Вия, выпьем!

— Давай, Сеня!

— Витольд! С перцем, с перцем! Лечись! Голова у меня слегка кружилась...

— Выпьем за дружбу! — предложил представитель Интуриста.

— ...Вы были сильнее... эмоционально, — говорил, слегка покачиваясь, Маус. — У нас не было ни таких песен, как у вас, ни стихов... Мы сразу поняли это... Мы читали

вашего «Теркина»... Теркин, Теркин — славный малый! А вот это я не очень хорошо помню...

— Ты здорово по-русски чешешь, Вильгельм!

— А как по-другому! Мой отец родился в Петербурге, Ленинград теперь, учился там в университете... на инженера... что-то связанное с железными дорогами... я не помню точно. А потом мой отец увлекся кинематографом, работал у вашего... Дранкова, кажется, сначала ассистентом оператора, потом самостоятельным оператором.

— А я думал, ты в плену так научился.

— Я не был в плену!

— Выходит, вы потомственный оператор? — втиснулся в разговор Тугрик.

— Да!

Леопольд помалкивал, но пил и закусывал исправно.

...— Мне кажется, что я магнит, притягиваю мины, — читал стихи Маус (я не помню, кто это написал, — проверить). — Удар! и лейтенант убит, и смерть (он сначала сказал «тодт») меня проходит мимо...

Я вижу это! Дальше не помню... Да, вот! Будь проклят сорок первый год... замерзшая в снегу пехота! Гениально! Бой был недолго. Потом со льдом мы пили водку (я знаю, эти стихи он читал неправильно, но я записываю так, как он их читал) и выковыривал мессер... ножом чужую кровь из-под ногтей...

— Это я выковыривал, я. — Д. Сеня налил себе, выпил один, — Ты тоже... наверное...

— А это? — не унимался Маус. — Пой, гармошка, выюге назло! На поленьях смола, как слеза! Это про меня!

— Не было у вас гармошек!

— Были, губные!

— Ну, да... были.

— ...Жди меня...

— Вильгельм! Не рви душу!

— Все. Я больше не знаю.

— Вот и хорошо. А чего ты еще снимал?

— Я снимал в Пскове вашего Власова...

— И какое впечатление?

— Никакого. Он боялся...

— А я в Сталинграде Паулюса снимал... Ну, снимал не я... помогал... Он тоже боялся.

— Ты был в Сталинграде?

Дядя Сеня задрал штанину:

— Вот, на память получил!

Я никогда бы не подумал, что у него протез... Он так бегают...

Немец тоже приподнял идеально отглаженную:

— Сталинград!

— За это стоит выпить, за боевое братство! — как-то он не в тему высказался, представитель Интуриста... Ну не умеет пить человек...

— А как вообще жизнь, Виля?

— У меня все хорошо, имею три магазина кино- и фототоваров. Это в Гамбурге... И еще хочу открыть в Мангейме.

— Буржуй!

— Сема! Ты не видал настоящих буржуев! Но главное, Сема, — мы выжили! Магазины — чепуха... Выжили! Вот удача! Рядом — все чепуха!

— Знаешь, а я всегда считал себя неудачником... Понимаешь, Виля... штука-то какая... С кино не получилось... Не дал бог таланту... так, бегаю по мелочам... С личным... ну, это не важно... Инвалид...

— Ты не прав!

— А что, все немцы оптимисты?

— Этого я не знаю. Я — оптимист!

— Выпьем за оптимизм! — предложил работник Интуриста.

— Это ты хорошо сказал, — ободрил его Д. Сеня. — Пора, наверное, закругляться... Что-то я хотел спросить тебя, Виля... Хотя... не имеет значения...

— Кофе, теперь кофе! — Маус достал из шкафа бутылку коньяка.

— Сейчас все будет, — заверил представитель Интуриста.

И убежал.

— «Камю». «Наполеон». Хороший коньяк, — это была единственная фраза, сказанная за весь вечер Леопольдом Мильчевским.

Падает температура. Хороший аспирин у немцев. Смерил для порядка — 38,2°. Ничего. Теперь чаю с карпатским медом... И можно жить и работать.

...Пили кофе с «Наполеоном». Маус достал фотоаппарат:

— Хочу вас сфотографировать.

Сфотографировал.

— Теперь ты, Сеня, сфотографируй меня с ребятами, и еще на балконе... Думал, приеду в Москву, возьму номер в хорошем отеле с видом на Красную площадь... Отель хороший... а площади не видно, жаль.

Маус подарил Д. Сене фотоаппарат:

— Подарил бы камеру, но, — развел руками, — ваши власти отобрали...

— Вернут, все вернут... — выкрикнул представитель Интуриста, он дремал на диване, встрепенулся. — Никаких сомнений...

— Хороший аппарат... Надо бы отказаться, для приличия, но не откажусь.

— Ты же говорил, что хочешь остановить время, — действуй!

— Запечатлеть, — поправил Д. Сеня, — запечатлеть...

Дальше — не очень помню. Выпито все-таки было немало... Говорили... Вспоминали... Не помню... Хотели спеть... но представитель попросил не делать этого... Решили пройтись.

Вечер. Холодно. Улица Горького вся в огнях... Почти дошли до телеграфа.

— Какой город! — говорил Маус, поддерживая Д. Сеню. — Какой прекрасный город! Какие прекрасные люди! Сколько света...

— Да-да... Верно, все верно... А вот скажи... Объясни мне, Вильгельм... Ну чего вы к нам... полезли? — как-то очень тихо спросил вдруг Д. Сеня. — Таких делов тут натворили... Ведь вам... прощенья нет...

— Ух ты... — даже попятился Тугрик.

Была долгая пауза.

Лицо Мауса стало строгим.

— Мы выполняли приказ. — На холоде слова выговаривались как-то особенно четко.

— Ух... ты... — повторил Тугрик.

Дядя Сеня ответил не сразу.

— Хорошо сказано. — Он помолчал. — Мне нравится. — Еще помолчал. — Мы... тоже выполняли приказ. Только приказы у нас были разные!

И — разошлись.

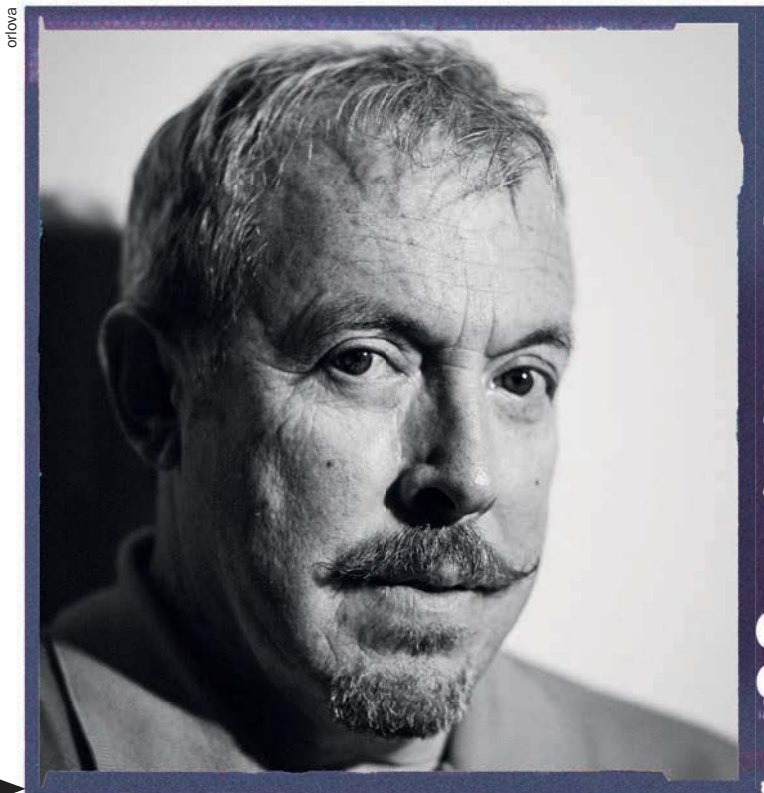
— Отдай ему. — Д. Сеня протянул Тугрику фотоаппарат. — Догони и отдай.

Тугрик побежал.

Температура 37,4°. Крепко! Сил нет.

Падаю.

Но, как сказано у классиков, это был хороший день!

Моя революция

текст: андрей макаревич рисунок: анна каулина

Музыкант **Андрей Макаревич** убеждает читателей, что он не хотел переделывать мир.

Но если твои кумиры — The Beatles и тебе шестнадцать, разве можно остаться в стороне? Тем более когда Джон поет такое: «You say you want a revolution Well, you know We all want to change the world».

С ЮНЫХ ЛЕТ я не любил все революционное. На эстетическом уровне. Исключение составляли, пожалуй, буденовки — красиво нарисованы, я еще не знал, что Васнецов придумал их вовсе не для красных кавалеристов. Не нравились советские плакаты к празднику Октября — циклопические матросы, рабочие и крестьяне с мускулистыми шеями толще голов и яростно-возвышенными лицами. При всей любви к русскому авангарду не нравились революционные плакаты Маяковского: грубый и условный красный пролетарий красным молотом вбивает в землю шарообразного черного буржуя — первобытной ненавистью веяло от этих подмалевков. Не нравилось. Моя бабушка Лидия Антоновна, учитель биологии и покровитель юннатов, привила мне любовь ко всему живому — от муравьев и мошек. Я мог часами лежать в траве и не дыша наблюдать за каким-нибудь жуком или лягушонком. Так вот, природа не знает революций. В природе рождаются, живут, продолжают род, умирают. Да, едят друг друга. Но строго следуя мудрым законам мироздания — никто никого не убивает ради убийства. Будь быстрым, ловким, и тебя не съедят. Совершенствуйся. И антилопам не приходит в голову свергнуть львов. Да, в стае могут состязаться и даже биться не насмерть за место вожака. Это называется «естественный отбор». Но в целом жизнь природы подчинена единой великой гармонии. Мы, люди, быстро исправили этот непорядок. Революции возникли практически одновременно с человеческой общиной. Потому что оказалось, что тех, кто наверху, меньше, а пирожных у них больше. Да они у них все! И они сами решают, кому раздавать объедки! И вот возникает некто пассионарный. Да какого хрена, думает он, почему они, почему не я? Он встает на камень (бочку, броневик) и возглашает: идите, люди, за мной. Я знаю,

как надо. Через четыре года здесь будет город-сад! Со всей своей пассионарностью. И население, собравшееся вокруг раззявив рты, превращается в революционные массы. Не все, конечно, — а всех-то и не надо! Знаете, сколько было в России большевиков на момент революции? Одиннадцать сотых процента! Ничего, хватило. И их, и дураков вокруг. Здесь очень важны сочувствующие — пусть втайне, пусть в душе. Почему весь мир обожает фильмы про благородных бандитов и равнодушен к фильмам про героев труда? Потому что человек, поднявшийся против системы, — это так романтично! Тем более что система эта заскорузла и каждого однажды да обидела. Девушки шепчутся с восхищением: он такой крутой. А ты, который был героем только во сне, завидуешь глубоко внутри. И желание хоть как-то, безопасно, приблизиться заставляет помогать. Кто денег дал втихаря, кто в своем подвале спрятал от полицейской облавы... Ты спрятал гиену, идиот! Они же тебя через пару лет повесят! Куда там...

И вот, представьте, получилось. Десять человек, рвавшихся к власти, скинули сотню в эту власть вцепившихся. А нечего было ослаблять хватку. Скинули, поубивали, посажали, провозгласили. Какова задача номер два? Правильно — эту самую власть удержать. Чтобы не было как с только что убитыми и посаженными. Тем более что с обещанным городом-садом как-то не получается. На скаку рубить — пожалуйста, экспроприировать — ради бога, лапшу на

барабанщика Юрки Борзова — у него роскошная русая челка по самые глаза: чисто Брайан Джонс. У басиста Мазая не так похоже, зато усы — как на «Сержанте»! Я сплю ночами в розовой резиновой шапочке для плавания, предварительно густо натерев голову мылом, — кудрявость битловской эстетикой не предусмотрена, а как выглядит Хендрикс, я еще не знаю. До вечера челка не расклеивается, держится кое-как.

Учителя не разделяют наши взгляды на красоту и требуют привести себя в порядок — строже и строже. Наконец наступает взрыв: прямо посреди урока в класс врывается директриса по прозвищу Тыква, поднимает нас троих и выпроваживает из школы с условием, что возвращаемся мы только в приличном виде — как все. Как все, блин.

Мы бредем вверх по Пятницкой — вокруг гремит апрель, горланят птицы, синеет небо, а в наших душах ночь. Мы мрачно курим и вполголоса обсуждаем дальнейшие действия — ну ее, эту школу, или все-таки что-то придумаем, не позволим себя унизить? И мы находим решение.

Парикмахерская через два дома. В это время там никого нет. Мы садимся в кресла одновременно. Мы кладем головы на гильотины. Мы стрижемся наголо. Под ноль.

Душевные муки оказываются сильнее, чем я предполагал. Отрежьте павлину хвост, слону хобот, бабочке крылья, жирафу шею и в про-

цессе смотрите им в глаза. Гора волос на полу — уже не мои, я поднимаю веки и гляжу в зеркало — кто это? Мы выходим на улицу, ветерок очень непривычно холодит затылок.

Прямо посреди урока в класс врывается директриса по прозвищу Тыква, поднимает нас троих и выпроваживает из школы с условием, что возвращаемся мы только в приличном виде — как все.

уши вешать — умеем, а вот с городом-садом — не очень. Не идет созидание. Поэтому народ следует приструнить и напугать. Все, наскочились. К тому же народ этот из революционных масс сам на глазах превращается обратно в население и, поняв, что с садом, да и с городом его бессовестно нае...ли, начинает тревожно озираться вокруг. Поэтому любая революция тут же оборачивается диктатурой. Полетели головы, посыпались погоны. А где-то на самом краю этой несчастной территории уже родился новый пассионарий. И растет на глазах, сволочь.

И вот почему я должен все это любить?

Мне четырнадцать лет, я в девятом классе и обо всех этих глупостях еще не думаю. Я сижу на задней парте, тихонько барабаню по ранцу, расписанному Битлами в разных позах, электрогитарами и названиями битловских песен. Я изрисовал его так, что натуральный рыжий цвет его почти не читается. Я барабаню и думаю о первом аккорде с пластинки «Hard Day's Night» — как же он берется? Мы делаем группу!

Элемент битловской волосатости в иерархии духовного следования кумирам — архиважная вещь. Лучше всего обстоят дела у нашего

Это через двадцать пять лет прибалтанные сопляки начнут косить под откинувшихся и в моду войдет короткий ежик, но у нас даже не ежик — и новобранцев-то так не рихтуют. Мы похожи на марсиан. Неожиданно делается смешно и легко.

В школе мы проскальзываем в сортир на второй этаж — идут уроки, и нас никто не видит. Мы закуриваем. В сортир заглядывает физрук Игорь Павлович по прозвищу Фитиль, смотрит на нас, удивленно говорит «здравствуйте» и выходит, не пописав. Мы понимаем, что он нас не узнал.

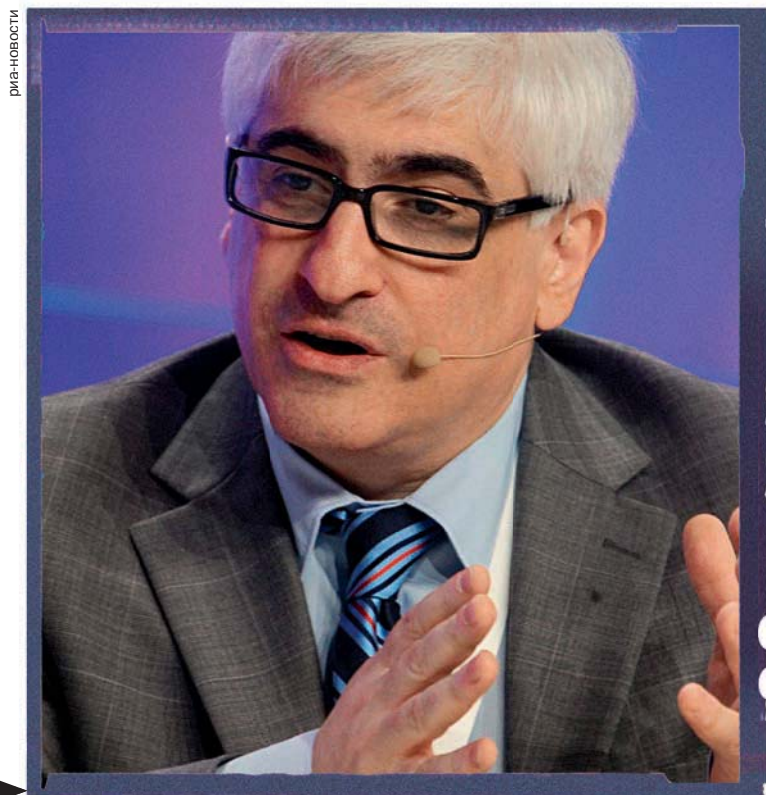
В кабинет к Тыкке мы идем уже уверенно и, по-моему, заходим без стука — я сейчас это так вижу. Тыква сидит за столом и что-то пишет. Она поднимает голову, выражение сползает у нее с лица, а новое так и не приходит на смену. «Ну... лучше», — выдавливая она из себя. И мы идем на урок. Топоча.

А в классе нам устраивают овацию.

Имеет ли эта история хоть какое-то отношение к революции? Мы ведь бились только за себя. Мы не хотели переделать мир.

Хотя — хотели, конечно.

Мечты, мечты...

Кружок заговорщиков

текст: александр туркот рисунок: маша сумнина

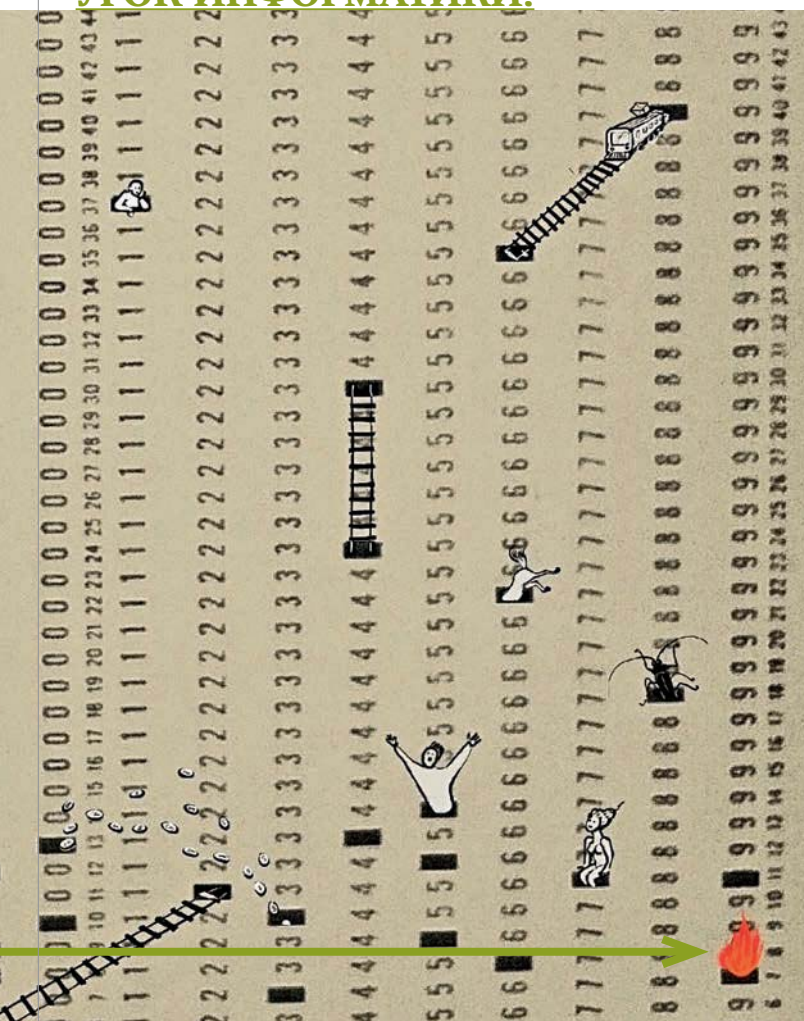
Как показывает история, далеко не все революции приносят человечеству благо. Но революция, о которой идет речь в колонке, уже принесла немало пользы, а сколько еще принесет! О цифровой революции пишет один из ее зачинщиков (по крайней мере — в России), один из основоположников отечественной IT-индустрии **Александр Туркот.**

ЗВОНOK с предложением написать о цифровой революции в очередной номер «Русского пионера» застал меня врасплох. Так, наверное, почувствовал бы себя матрос, сто лет карабкающийся по воротам Зимнего, если бы его сегодня спросили, что он там делает и зачем туда залез.

«Было бы величайшей ошибкой думать», — писал вождь прогрессивного человечества В.И. Ленин. Так вот, было бы величайшей ошибкой думать, что 35 лет назад, выводя карандашом на мутно пропечатанных бланках какие-то знаки, я осознавал, что становлюсь частью революции. Вечно рассыпающихся толстенных колодах перфокарт или пятимегабайтных дисках-кастрюлях «Изот» болгарского производства не было ничего революционного.

Зато ощущение принадлежности к кружку заговорщиков со временем появилось. Старшие товарищи в бородах и свитерах с оленями допустили к священному распечат-издату — Стругацким, Солженицыну, Автарханову, Бродскому, прочим кумирам тогдашних программистов-математиков. Наравне с духовным радовало бездуховное: заготовки для росписи «пули», украшенные глубокомысленным «под игрока с семака» и «три врага преферанса: жена, скатерть и шум». А уж полагавшиеся мне чуть позже по должности ежемесячные три литра спирта «на протирку головок» возносили почти в ранг небожителей.

Затем появились персональные компьютеры. Реакционеры от IT типа главы великой тогда корпорации DEC Кена Олсона честно пытались предупредить: «Не понимаю, зачем нормальному человеку может понадобиться собственный компьютер». В СССР же объяснить, зачем держать дома железяку ценой в четыре автомобиля, было еще сложнее: IBM XT в конце 80-х стоил около 40 тысяч рублей, а «Волга» — 10. Но заря революции уже занялась — первые компьютерные игры стали уносить основную часть рабочего времени, первые вирусы вызывали ужас и вос-

торг. Я лично привел семью на грань развода году в 87-м, когда под вечер 31 декабря буквы и символы на моем мониторе вдруг стали осыпаться и складываться аккуратной кучкой в нижней части экрана. Это был знаменитый Cascade — один из первых злобных вирусов. Оторваться от разбора его кода было невозможно: в полутора килобайтах был заключен настоящий шахматный этюд. Домой я влетел за полчаса до боя курантов, будучи уже проклят семьей и гостями.

Наступили 90-е — первый робкий этап революции, эдакий 1905 год. Появились Netscape, Yahoo и даже ICQ, а с ними — первые IT-миллионеры. Тогда при знакомстве девушки всех стран мира на слова «я программист» не фыркали, как раньше, а начинали смотреть с интересом. Дальше были кризис «доткомов», ошибка 2000 года, явление смартфонов, Гугла, айпада и так далее. Десятку «Форбса» возглавили не наследники империй, не ушлые приватизаторы природных ресурсов, а вчерашние ботаны в очках, без связей и титулов, часто — эмигранты в первом поколении. Именно они, а не космонавты и не актеры, становятся «рулевыми моделями» для сынов революции.

Эта революция не поедает своих детей, они поедают себя сами: нынешнее дигитальное поколение все больше сосредотачивается на том, чтобы не есть жирного, не пить горького, не учащать пульса, спать в одиночку. В тридцать с небольшим они хотят жить вечно. Отказываются понимать, что вечную иглу для примуса нельзя достать, не разбив вечных яиц. Привычка к алгоритмизации всего сущего проецируется на себя и окружающих: долой человеческие слабости и моральные издержки, вперед, в царство биороботов!

Мораль никогда особенно не заботила революционеров. Всегда считалось, что высокие цели прогресса оправдывают самые сомнительные средства. И нынешняя цифровая революция — не исключение. О том, что новая реальность лишает нас privacy, личного пространства, мы уже даже не паримся — этим многие готовы поступиться, осознанно или неосознанно. Но вот самоуправляемые автомобили, к примеру, требуют моральную цену повыше. Пятьдесят лет назад английские, будете смеяться, ученые придумали знаменитый эксперимент про вагонетку. Сюжет прост: катится неуправляемая вагонетка, перед ней на рельсах лежат пятеро связанных человек. На рельсах соседнего пути тоже лежит связанный человек, но всего один. Вам надо принять решение, и вариантов всего два: ничего не делать — тогда погибнут пятеро, или перевести стрелку — тогда вагонетка свернет на вторую колею, где погибнет один. То есть выбор — бездействовать перед лицом смерти пятерых или убить одного, но своими фактически руками.

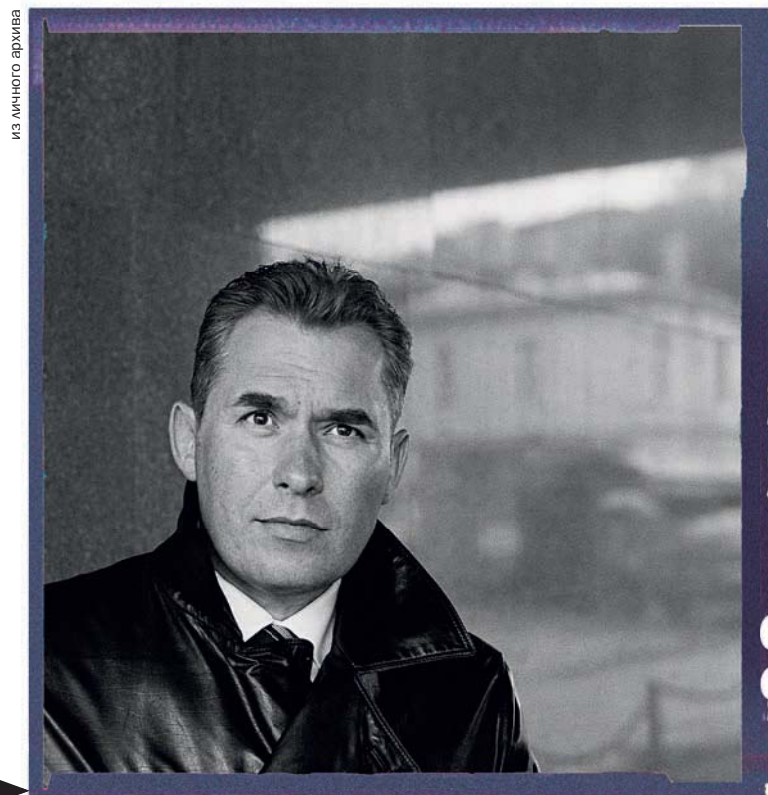
Казалось бы, где цифровая революция и где рельсы. Но представьте, что программист, разрабатывающий алгоритм поведения автопилота, должен эти варианты предусмотреть. А вдруг на дороге не пять связанных против одного, а три против двух? А вдруг тут старики, а там дети? Куда сворачивать? Решение, точнее, все возможные варианты решений или хотя бы принципы их поиска кто-то должен предусмотреть заранее. Значит, погибшие в грядущих авариях будут убиты не руками водителя, а мозгами программистов. Так что платить, ребята, придется. Разве что, как писал классик, потом.

Своеобразие текущего момента состоит в том, что всемирный переворот, начавшись лет пятнадцать назад, не заканчивается. Возьмем ту же авиацию: уж куда как технологичная индустрия, а за последние полвека — ничего революционного, «Боинг-747» по-прежнему самый удобный и надежный способ перелететь через океан. Да и лучшие модели «бентли» и «роллс-ройса» почти не изменились за последние три десятилетия. Цифровая же революция только ускоряется. Еще лет пять назад горизонт предсказаний и планирования в индустрии был год-два. Сегодня новые тренды появляются два-три раза в год и так же быстро сгорают, успев родить что-то еще более новое.

У нас на глазах всплывают радужные пузыри больших данных, интернета вещей, искусственного интеллекта, автономных автомобилей, виртуальной реальности, нейросетей, блокчейна и прочих грандиозных, обещающих невиданные чудеса явлений и трендов. Предсказывать отчаялись даже самые дерзкие — прогнозы устаревают примерно в момент их публикации.

Тем временем для обывателя моя индустрия превратилась в попсу. На центральных каналах в прайм-тайм обсуждают курсы криптовалют. Знакомая актриса интересуется биткоином. В маршрутках говорят о хакерах. Портреты стартаперов не сходят с обложек глянца. Уже совсем скоро встроенные в наши головы чипы научат правильно жить, наши машины поедут сами, наши умные вещи договорятся между собой — и все это без нашего участия. Наступят благолепие и вселенское счастье.

К ноябрю 2017 года можно признать: цифровая революция, необходимость которой так долго обсуждала кучка заговорщиков, свершилась. Теперь нас ждут нэп, раскулачивание, индустриализация, череда громких процессов и прочие прелести матери ученья. Хорошо бы обошлось без войны. **И**

из личного архива

Зарисовки из жизни одного адвоката

(С РАЗНИЦЕЙ В СТО ЛЕТ)

текст: павел астахов коллажи: антон смех

Адвокат **Павел Астахов** — не только адвокат. И после этой колонки, может быть, выяснится, что и не столько.

А мы продолжаем следить за его карьерой — в том числе и писательской.

Санкт-Петербург. Здание университета. Дворик юридического факультета. Лавочка. На ней молодой человек с конспектом.

«Дура лекс — эст лекс!» — заучивал молодой выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета. На него надвигался выпускной экзамен и желчный профессор Васильков, который всем задавал дополнительные вопросы по латыни.

«Дура лекс... дура, ах, какая же дура эта Лизонька Караваева с педагогического. Зачем пожаловалась папеньке на безобидные приставания! Теперь ее папаша, владелец сети питерских булочных и пекарен (паскудный буржуй), мало того что запретил ей после занятий выходить из дому, так еще и нажаловался в деканат», — вздохнул студент-юрист и затянулся сигареткой. В голове навязчиво крутились латинские слова. «Лекс эст лекс...»

«Вот и брат Алекс тоже попал в неприглядную историю — ввязался в какое-то тайное общество: в каморке собирались, рассуждали о мироустройстве, книги вслух читали, на променады по Тверской ходили. Ничего особенного. Прокуроры, правда, иного мнения были: арестовали за терроризм и попытку госпереворота.

Да-а-а, с таким багажом хорошо бы мне в Лондон. Или хоть в Женеву или Париж. На худой конец, хоть в Берлин. Денег нет... Ох, непросто это, когда тебе 22, ни опыта, ни протекций — один диплом юрфака. И угораздило же выбрать такую специальность?! Записался на третьем курсе «за компанию» на адвоката. И что теперь делать? Идти в суд защищать мелких прохвостов? Нет уж, батенька, извольте! Лучше каких-нибудь золотопромышленников! Правда, они тоже разбежались, кто в Ниццу, кто в Лондон. А мне только и остается, что в Самару отправиться и переждать там пару лет. Говорят, там тоже неплохо: природа, Волга, барышни, да и климат получше будет, чем питерский». Выпускной экзамен прошел не вполне блестяще. Хотя профессору права Василькову и пришлось поставить «отлично» молодому юристу-

выпускнику, но отыгрался он на распределении, направив новоиспеченного юриста аккуратно в Самарскую губернию.

К неудовольствию пожилого профессора, выпускник даже не расстроился, а, получив направление в самарский суд, молча улыбаясь, удалился.

Семья, узнав об отъезде Володи, вздохнула с облегчением: родители давно побаивались предсказаний и «озарений» сына, который порою выдавал такие политические прогнозы для России, что отец с матерью хваталась за головы и убегали прочь из комнаты, где новоиспеченный реформатор предрекал падение главе государства, который вот уже 17 лет бессменно управлял самой большой частью планеты. Крамолу в доме родители не поощряли, хотя и считались людьми прогрессивными и по-европейски либеральными.

Год спустя. Самара. Адвокатский кабинет адвоката А.Н. Хардина. Хозяин кабинета беседует со своим молодым помощником.

— Владимир! О чем вы говорите?! — всплеснул руками пожилой адвокат.

Благообразный седой господин в модном пенсне, с профессорской бородкой расхаживал по кабинету. В удобном кожаном кресле восседал недавний выпускник университета Владимир. Он, прищурившись, с улыбочкой наблюдал за своим наставником:

— Андрей Николаевич, а что здесь особенного? Мы вполне можем изъять из судебного дела эту расписку, и дело нашего клиента Никольского, как говорится, в шляпе!

— Как это «изъять»? Мой юный друг, вы сошли с ума! Толкаете меня на подобные авантюры... — Адвокат тяжело опустился в кресло возле рабочего стола. На столе стояла шахматная доска с какой-то недоигранной партией и папки с бумагами. Хардин двинул вперед ладью, полистал лежащее перед ним на столе адвокатское досье и задумчиво выглянул из-под пенсне:

— Мммм, голубчик Владимир... Я, безусловно, пойти на такое не вправе, но... — он задумчиво поднял глаза к потолку, — но вы... как бы это правильно выразиться, не ограничены в выборе средств защиты нашего доверителя. Тем более что никакой ответственности для вас как стажера закон не предусматривает. Разве только я должен буду вас пожуричь и наказать строго. — Он двинул вперед белую ладью.

— Это как же, позвольте узнать, Андрей Николаевич? — напрягся помощник.

— Строго! Очень строго... замечание и лишение премии по итогам дела. Да и то если вас, что называется, за руку поймают. Как вам такое наказание? — Адвокат откинулся на спинку кресла и заинтересованно разглядывал своего стажера, который, признаться, все больше и больше ему нравился. За хватку, звериное чутье и интуицию. А еще этот Володя отлично играл в шахматы, что для адвоката просто необ-

ходимо! «Этот паренек далеко может пойти, если, конечно, полиция не остановит...» — пронеслось в голове бывалого мэтра самарской адвокатуры.

— Эге. Значит, премии лишите и замечание? Договорились! Только попрошу удвоить мне гонорар по этому делу с учетом будущих издержек и взысканий! Согласны? — Молодой человек уже стоял возле стола, опершись руками на его край, и дрожал от нетерпения. Он любил действовать решительно и быстро. Можно сказать, даже дерзко. Ему очень нравился лозунг каких-то древних рыцарей, не то крестоносцев, не то конкистадоров: «Промедление смерти подобно!» Ему он и следовал всегда. Не дав адвокату ответить, он порывисто сразил ладью мэтра и воскликнул: — Мат!

— Согласен. Но о том, как и что вы будете делать, я даже знать не хочу. Получите ваш дополнительный гонорар. — Хардин протянул аккуратно сложенные свеженькие купюры банка России и смахнул фигуры с доски на стол.

Это была не первая «находка» Владимира во время вынужденной «ссылки» в Самару. Попав сюда по воле его университетских руководителей для обязательной отработки в течение двух лет, Владимир решил не терять времени понапрасну и попытаться выжать из этой «стажерской» истории максимум пользы. Прежде всего, конечно же, в материальном плане. Студенческая бедность и вечная прижимистость родителей ему, безусловно, опостытели. Хотелось ходить в лучшие рестораны, кутить с друзьями, водить романы с девушками, наконец-таки поехать в Париж.

Получив первое же дело, он попытался расположить к себе доверителя, который хотел судиться со скотозаводчиком, продавшим ему больную корову. Доказать ущербность животного было непросто: она сдохла уже в хлеву нового хозяина спустя три дня после покупки. Но оборотистый помощник адвоката Хардина не поленился познакомиться с местным ветеринаром и уговорить того не только

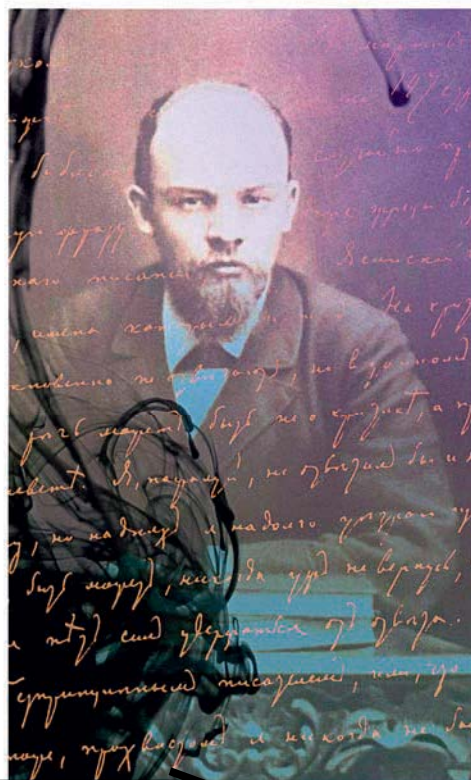
дать заключение о смерти буренки по вине прежнего хозяина, но и повторить то же самое под присягой в суде. Бутыл первача, принятого в оплату консультации по «земельному вопросу» местной крестьянки, была ловко конвертирована в нужные показания ветеринара, что, в свою очередь, принесло не только дополнительные барыши начинающему стажеру, но и необходимую в адвокатском деле рекламу в виде «доброй славы» удачливого юриста. Буренка, конечно, не ахти какая ценность, и денег едва хватило на новый костюм: английская тройка, жилет, шелковый галстук в горошек — и вуаля! — новоиспеченный самарский адвокат Владимир зажил по-человечески.

«Деньги не пахнут» — так вроде говаривал некий римский тиран. А тут уже и более серьезная комбинация на миллионы рублей подоспела. Владелец деревообрабатывающей фабрики взял в долг у знакомого банкира денег под обещание доли в предприятии и теперь не хотел

расставаться ни с долей, ни с деньгами. Оппонент-банкир сразу же отправился в суд, где предъявил расписку, а лесопромышленник — на прием к известному всей Самаре адвокату Хардину, но попал в молодые цепкие руки помощника-стажера. Вырваться из них не удавалось почти никому...

Комбинация созрела моментально. Поскольку речь шла об «изъятии» подлинника расписки их клиента на очень внушительную сумму из материалов гражданского дела, находящегося в суде, что неизбежно вело к отказу в иске и прекращению судопроизводства, то шустрый стажер понимал всю выгоду такого рискованного мероприятия и шел на него основательно подготовленный. Он уже завел легкую интрижку с молоденькой секретаршей Наденькой, служившей в гражданской канцелярии, и вечерами захаживал к ней попить чайку с конфетами. Естественно, конфеты приносил с собой, а частенько прихватывал и букетик свежих полевых фиалок. Наденька мило краснела, смущалась и смеялась. Сегодня Володя

Санкт-Петербург. Квартира на Васильевском острове. Музыка. Оживленные разговоры, смех.

Разудалая молодежная компания хором вывела «Вечерний звон». При этом при каждом возгласе «Бом!» все дружно чокались хрустальными бокалами. Девушки звонко, заливисто смеялись, мужчины вторили им басами и баритонами.

— Володя, Владимир! Расскажите анекдот про адвокатов! Просим, просим! — неожиданно перебив песню, воскликнули дуэтом сразу две симпатичные барышни. Им тут же эхом аукнулись еще несколько голосов:

— Владимир! Правда! Расскажи! Лучше тебя никто не изображает...

— Ну хорошо. Коль вам так хочется, будьте любезны! — Молодой, шикарно и модно одетый адвокат вышел в центр комнаты и церемонно поклонился.

— Как говорит мой патрон Михаил Волькенштейн: «Если адвокат рассказывает что-то бесплатно — вы обязаны его выслушать до конца

и... заплатить!»

— Ха-ха-ха! — понеслось из разных концов комнаты. Шумная компания обожала этого нахального адвоката, лишь год назад прибывшего из Самары и тут же стремительно влившегося в их пеструю команду. Он неизменно становился центром внимания на каждой вечеринке. Будь это танцы, песни, выпивка, тосты или даже спор о высоких материях, например судебной реформе, коррупции в верхних эшелонах власти или отношениях с Западом. Казалось, он прекрасно разбирается не только в хитросплетениях юриспруденции, но и в любых вопросах мироустройства. Но анекдоты на околосудебные темы были его коньком.

— Приходит грустный судья домой. Жена наливает ему щи и спрашивает, почему он такой смурной. А тот отвечает, мол, проблема неразрешимая! Истец дал ему сто тысяч, чтоб дело в его пользу решить, а тут, как на грех, зашел ответчик и тоже дал, но уже сто двадцать тысяч. Чтоб тот в его, ответчика, пользу дело порешил. Вот и загрустил наш деятель юстиции. Жена хлоп его ложкой по лбу, мол, болван ты, Василий Петрович! Верни двадцатку ответчику и суди по закону!

От звонкого и громкого хохота задребезжали стекла в старых оконных рамах. Откуда-то сбоку или снизу раздался стук в стену и по батарее.

— О! Очнулись соседи. Братцы, давайте чуть потише гулять. — Худощавый высокий молодой человек с аккуратной прической, очевидно хозяин квартиры, сделал умоляющий жест руками, обращаясь сразу ко всем.

— Никола! Какой ты скучный! — возмутились девушки.

«Адвоката надо брать в ежовые рукавицы и ставить в интересную позу, потому что это такая интеллигентская сволочь, которая часто паскудничает...»

принес и бутылку Цимлянского шампанского. Надя отказывалась, смущалась, но, оставшись один на один с хватким стажером, все же уступила. Он привык брать все. То есть именно ВСЕ! И взял. После пропажи расписки из материалов судебного дела было проведено служебное расследование, и юную Наденьку выгнали с позором из суда. Она не выдала своего воздыхателя, но напрасно ждала его с цветами и конфетами. Потеряв работу, она потеряла и уха-жера, а он — всяческий интерес к безработной секретарше. Зато вновь приобрел славу удачливого начинающего защитника и, конечно, нажил хороших денег. Однако вскоре за стажером закрепилась репутация нечистого на руку юриста. Так и повелось: что ни дело, так то расписка пропадет, то чернильное пятно на векселе откуда ни возьмись расплывется, а то вообще заезжий заявитель в больницу побитый попадет и от иска откажется.

Старый адвокат-шахматист был терпелив, но и он наконец предложил Володе покинуть его адвокатскую контору, написав ему взамен блестящую характеристику и рекомендацию в Санкт-Петербургскую адвокатскую палату. Мол, возвращайтесь-ка вы, молодой человек, восвоюся!